

Ольга ИЛЬНИЦКАЯ — литератор, журналист, по образованию историк. Работала учителем, экскурсоводом, научным сотрудником, архивистом, занималась археологией. Более тридцати лет выступает с эссе, рассказами и стихами в различных антологиях, альманахах и журналах. Автор нескольких книг стихов и прозы. Член PEN International, Союза писателей Москвы, Конгресса литераторов Украины, Южно-Русского Союза писателей, Национального Союза журналистов Украины.

СЫН И МУЖ, ВОТ И ВСЯ РОССИЯ

Гл. II.

Послушай, Москва, в твоём зимнем затворе,
в колючей поземке — одесское море,
и пряность бульваров, акаций озноб,
Соборная площадь, ракушечный грот.
Зевки пароходных прощальных гудков,
и оторопь чаек от рыбных лотков
на «Новом базаре», на старом «Привозе».
Столица, я вся — поцелуй на морозе!

Ты помнишь мои ослабевшие руки,
когда, зажимая искушенный рот,
я молча кричала в бутырский сугроб —
а мне отвечал восьмимильный народ...
Шел снег. Бинтовал застаревшие раны.
Еще о тепле говорить было рано.
Грядел на дворе осемнадцатый год...
Поправь меня, милый, был восьмидесятый.
Потом еще долгих два года брели

по темной брусчатке на площади Красной
распутной, служивой и строгой страны.
Был страшен майор, что ключами гремел,
к тебе пропуская в тюремный предел.
Увядший цветок на рубиновом снеге
навязчиво лгал о возможном побеге...
Что мне до великой беды на дворе, —
когда ты меня разлучала с любимым,
Москва, сумасшедшая спящая дива,
забытая, словно молитва в Кремле.

Простые слова повторить не боюсь,
пусть с ритма и рифмы, как школьник, собьюсь:
«Сын и муж, вот и вся Россия.
Вешки — вежи, кресты косые».

И НЕ НУЖНО РАЗГОВОРОВ ОТКРОВЕННЫХ

Вместо эпиграфа:

*Дотронулся, дотронулся,
узнал. Какая-то негромкая, одна
неласковая за чертой,
какая-то не ты.
Оспаривать не стал.
Закрался, стих
и невпоровот поплыл. Без дна.
Без рук и губ, дыханье утопив.*

(Гл. II.)

...Ты ускользаешь, уплываешь
с течением живой реки.
А я, как пристань, неизменна
на отмели твоей руки.

Надежды детства далеки.
Свободны мы — и вновь едины.
Как свет прозрачны и легки.
Как смерть уже непоправимы.

* * *

От моей души распахнутой
До глубин твоих распаханных
Было много нагорожено.
Оба стали осторожными.
И теперь, когда мы видимся
Под звездой небесной,
Нам с тобой спокойно.
Нам с тобой не тесно.

* * *

В этом городе надежда поджидает
в самых неожиданных местах.
Старая дворняга у подъезда лает.
Ветер тербит канадский флаг.
Шелестят булыжной мостовой
шины респектабельной машины.
Я с тобой прощаюсь, дорогой.
Отвечаешь: «Что ты, Бога ради...»
И печаль растворена во взгляде.
Обещаешь привезти домой.
...Над Канадой осень догорает,
над Москвой оранжевый туман.
Мой родной! Чего нам не хватает?
У канадского посольства ресторан.
Или нет, я путаю, конечно —
твой подъезд, поземка из листвы...
Я с тобой лукава и беспечна.
Бережен и безогляден ты.

...В этом городе давно мы заблудились,
И глухими переулками плутаем...

* * *

От моей далекой близости
До тебя рукой подать.
 Попрошу у Бога милости —
 Ниспослать нам благодать.
 Расскажи мне про хорошее,
 Промолчи о чем-нибудь.
 А под вечер, расставаясь,
 Попрощаться не забудь.
 Потому что воля вольная
 И прозрачна, и светла.
 Потому что доля общая —
 Далека от нас пока.

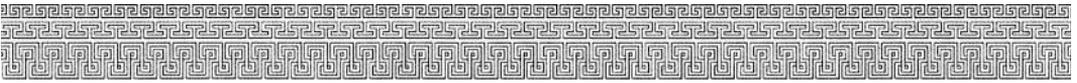
* * *

Ты, как заснеженный глухой овраг,
 себе не рад, всем проходящим враг,
 и над тобою, в тёмных небесах,
 покачивая пламя на весах,
 созвездие мерцает. Но не греет.
 И ёжится душа. Душа болеет.
 А у лица вприпрыжку, торопясь,
 несётся ввысь, дымками белых кухонь.
 Где чай гоняют сплетницы старухи.
 И девочку бранит сурово мать.
 Где в тёплой люльке ты бы мог лежать,
 перерастая холода и слухи.

* * *

...Хорошо —
 до мороза проваляться бы в постели!

А потом, по первопутку — да в бега,
чтоб добраться до краев отдохновенных.
Там звенящая от смеха голова.
И не нужно разговоров откровенных.

* * *

Мы не решились разлучиться,
поскольку стали неделимы
с пространством,
зноким и прекрасным,
равновеликим в половинах.
Где ночь и день в переплетенье
огня, воды, уединенья,
вошедших в ткань повествованья,
проникших в суть стихотворенья.
Пора понять, пора расслышать
и скрип сосны, и всхлип уключины...
Уже угадана судьба,
и жизнью намертво заучена.

* * *

Долго мы с тобою будем жить.
Горькой нашей памяти служить.
Трудно нам встречаться не в дому.
А в дому встречаться ни к чему.
Потому что дом оглох и нем.
Радости и счастья нету в нем.
По чужим встречаемся углам.
Господи, пошли надежду нам.

* * *

Из прошлых дней растущие слова
Заполнили наши сутки.
Ты жив вполне. И я вполне жива.

...А пес цепной скулит в промерзшей будке.
Уж лучше б выл. Мы знаем, по кому.
Слова с такой соединило силой,
Что ты молился: «Господи, прости!»
И я просила: «Господи, помилуй!»

* * *

Мы не помним, во что мы проснемся потом.
Наше прошлое скрыто подтаявшим льдом.
Ах, как хочется быть. И как нравится петь.
И не помнить о том, где и как умереть.

* * *

Москва. Июньский зной.
А у тебя в зрачке
Осколок голубой
На ледяном крючке.

Опять ты смотришь вглубь,
Прислушиваясь чутко.
Но музыка молчит
Торжественно и жутко.

И в этой тишине
Я паузу держу.
И музыке твоей
Молчанием служу.

Вокруг метет метель
Древесным спелым пухом.
...Мой Моцарт был глухим.
С немзыкальным слухом.

* * *

Живу на пепелище
и здравствую. Пока.
Печаль моя сильнее смерти.
Любовь моя — те облака,
что улетают, прилетают,
и нет им дня, ночей не счесть,
и в этом непрерывном бегстве
надежды нет. А счастье — есть.

* * *

Открываю окно — словно ворон, врывается полночь,
и бессонницей метит, и кличет по-птичьи беду.
Мой будильник стучит. Он старательно стрелочки точит.
Год за годом по ходу часов удивленно иду.

Я не знаю сама, отчего во мне бездна все шире.
Смысл от слов отлетает и стелется комнатой дым.
Подступила болезнь, покачала на лезвиях синих
и пометила волосы прошвой седин.

Память бродит по жизни, в цейтнот безысходный понав.
Рвется сердце за клетку, рассыпав запретов основы.
Все тебе расскажу. Но спекаются губы над словом,
когда корни взрывают надежный домашний капкан.

Каждый лист прошуршавший — моих сновидений свидетель,
и доносчик, и враль, он сумеет тебе рассказать,
как вчера, в листовой, я слова разбросала на ветер,
и на цыпочках ливень пришел, чтобы снова собрать.

Уговаривал, вел свою линию гибким пунктиром,
сквозь который боялась я твой силуэт проглядеть.
Ты мне виделся — весь — в промежутках особенно длинных,
и, наверное, нужно в длиннейшем из них умереть.

* * *

В смерть ляжем вдвоем.

(Гл. II.)

Свидания оборвались. Душа отпрянула
от чьих-то любопытных глаз, как черт от ладана.

Беспомощен молчанья звук. Корежит щелканьем
пружин в замках, зрачков тугих сквозь двери щелку.

О, плач души моей! О, свет на слове резком:
я и вдова, я и жена, я и невеста...

* * *

Жить — это значит ждать
под угрозой семи жал.
Значит, любить и взять
то, чего Бог не дал.
Струны зажать в горсти,
выпустить птицу «жаль»,
выпустить птицу «соль»,
мучая птицу «си»,
мучая птицу «до»,
выпустить птицу «ля».
И головы не снести.
Жить — это свечку жечь
денно и ночью, чтоб
белым лицом лечь
в день, словно в светлый гроб.

вместо эпилога:

Гл. II.

Расстанемся. Уйдем в неодинокство.
Ведь — северно.
А души

Спят, торосами.
Скажи: ты хочешь, чтоб они растаяли?
Уходим.
Из любви в неодинокство.

* * *

За что я жил? За что люблю
и к стенке постоять готов?
За что в зеленую траву
я окунаю руки — и отвожу беду?
За что росу дрожу разбить?
С кастрюли муравья сдуваю?
За что я не боюсь?
За что мне сын?
О чем я жил?
Кого еще благодарить,
скажи?

* * *

Смерть? — Логика. Если уйти
невмочь — любви не будет
и воли — будут люди, лестницы,
дождь
как с Луны свалился —
и студит, и студит.
... Дай руку, подую — мне
холодно и жалко
тоски, которой тоскуют —
а я не имею права —
ни справа вильнуть, ни
слева; ни смерти посметь
впустую.
Позволь я тебя поцелую.

